

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 338.45:622.3(571.122)+338.45:622.3(470.41)
DOI 10.34822/2312-3419-2020-4-7-14

СОПОСТАВЛЕНИЕ СОСТАВНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СРЕДЫ ХАНТЫ-МАНСЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА – ЮГРЫ И РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

В. Ф. Исламутдинов^{1✉}, В. М. Куриков¹, Д. В. Санников¹, Б. Л. Сафиуллин²

¹ Югорский государственный университет, Ханты-Мансийск, Россия

² Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

✉ E-mail: v_islamutdinov@ugrasu.ru

В статье представлены результаты анализа структуры институциональной среды двух российских регионов (Ханты-Мансийского автономного округа – Югры и Республики Татарстан), который послужил основой для разработки возможных сценариев развития социально-экономической системы регионов в период после начала падения объемов добычи нефти.

Сопоставление элементов институциональной среды выявило ряд отличий в организации нефтяной отрасли данных субъектов РФ. Выбранные регионы отличаются степенью влияния особенностей институциональной среды на траекторию развития и эффективность их социально-экономических систем.

Представленное исследование является этапом изучения составных элементов институциональной среды нефтедобывающих регионов в период после падения объемов добычи нефти для выявления возможных путей эволюции социально-экономических систем данных регионов.

Ключевые слова: добыча нефти, институциональная среда регионов, договор о разграничении полномочий, отрасль добычи нефти.

Для цитирования: Исламутдинов В. Ф., Куриков В. М., Санников Д. В., Сафиуллин Б. Л. Сопоставление составных элементов институциональной среды Ханты-Мансийского автономного округа – Югры и Республики Татарстан // Вестник Сургутского государственного университета. 2020. № 4. С. 7–14. DOI 10.34822/2312-3419-2020-4-7-14.

COMPONENTS COMPARISON OF THE INSTITUTIONAL ENVIRONMENT OF THE KHANTY-MANSI AUTONOMOUS OKRUG – UGRA AND THE REPUBLIC OF TATARSTAN

V. F. Islamutdinov^{1✉}, V. M. Kurikov¹, D. V. Sannikov¹, B. L. Safiullin²

¹ Yurga State University, Khanty-Mansiysk, Russia

² Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia

✉ E-mail: v_islamutdinov@ugrasu.ru

The article presents the results of the analysis of the structure of the institutional environment of two Russian regions: the Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Ugra and the Republic of Tatarstan. This analysis serves as the basis for the construction of possible scenarios for the development of the social and economic system of regions in the period after the start of the decline in oil production.

The comparison of the elements of the institutional environment of the regions revealed several differences in the organization of the oil industry of the two regions. The selected regions differ in varying degrees of influence of the institutional environment characteristics on the development trajectory and the effectiveness of their social and economic systems.

This research is a phase in studying the constituent elements of the institutional environment of oil-producing regions in the period after the decline in oil production to identify possible ways of evolution of the social and economic systems of these regions.

Keywords: oil production, institutional environment of regions, agreement on delineation of powers, oil production industry.

For citation: Islamutdinov V. F., Kurikov V. M., Sannikov D. V., Safiullin B. L. Components Comparison of the Institutional Environment of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Ugra and the Republic of Tatarstan // Surgut State University Journal. 2020. No. 4. P. 7–14. DOI 10.34822/2312-3419-2020-4-7-14.

ВВЕДЕНИЕ

В ходе изучения составных элементов институциональной среды нефтедобывающих регионов в период после падения объемов добычи нефти были выявлены возможные пути эволюции социально-экономических систем изучаемых нефтедобывающих регионов.

Актуальность данного исследования состоит в том, что падение объемов добычи нефти, которое происходит во многих регионах мира, в том числе в России, оказывает негативное влияние на социально-экономическую систему. Негативный эффект усиливается, если экономика таких регионов попадает в институциональную ловушку «голландской болезни». Выход из этой институциональной ловушки возможен при условии формирования правильной институциональной среды, обеспечивающей плавный переход к новой модели социально-экономического развития [1].

Исследование влияния институциональной среды на развитие экономики начали основоположники институциональной теории Д. Норт и О. Уильямсон. Наиболее известными последователями изучения региональной специфики являются Р. Коуз, А. Грейф, С. Фрейвальд. Среди российских ученых можно выделить А. Н. Пилясова, Н. Ю. Замятину, Ю. М. Ясинского и А. О. Тихонова.

Научная идея исследования состоит в том, что развитие социально-экономической системы регионов происходит в процессе коэволюции институциональной среды и хозяйственно-экономической деятельности. В нефтедобывающих регионах такая коэволюция приводит в институциональную ловушку «голландской болезни», для выхода из которой необходима обоснованная система переходных институтов [1].

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ

Проанализированы структуры институциональной среды двух российских регионов – Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (ХМАО-Югры) и Республики Татарстан (РТ), послужившие основой для разработки возможных сценариев развития социально-

экономической системы регионов в период после начала падения объемов добычи нефти. Выбранные регионы отличаются степенью влияния особенностей институциональной среды на траекторию развития и эффективность их социально-экономических систем.

Информационную базу исследования составляют нормативно-правовые документы, регулирующие основные элементы институциональной среды анализируемых регионов; официальные информационно-аналитические материалы государственных органов, Федеральной службы государственной статистики, а также отчетность нефтедобывающих компаний, представленная в сети Интернет.

Основу методологии исследования составляет методика сравнительного институционального анализа, позволяющая оценить возможные сценарии развития экономики региона с учетом сложившейся институциональной среды и уровня развитости институтов. Помимо этого, использовались экономико-статистические методы, в частности приемы сравнения, динамики, корреляции и др.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Сравнение составных элементов институциональной среды регионов в период после начала падения объемов добычи нефти затруднено, поскольку падение началось в разные периоды времени: в Республике Татарстан – еще в советское время (после 1975 г.); в ХМАО-Югре первое падение произошло в 1988 г., а затем, после некоторого восстановления, новое падение началось в 2008 г. В этой связи сравнение регионов производится по их состоянию на данный момент с учетом различных сроков максимальных объемов добычи нефти в каждом из изучаемых регионов [1].

Сравнение региональной нормативно-правовой базы, регулирующей отрасль добычи нефти и газа (федеральная нормативно-правовая база для обоих регионов одна и та же), показало, что ключевое различие состоит в том, что РТ имеет более развитую региональную нормативно-правовую базу, чем ХМАО-Югра. Причина отличия – бóльшая

автономия Республики Татарстан в 1990-е гг., основанная на договоре о разделении полномочий между федеральным центром и субъектом Федерации.

При сравнении регионов Российской Федерации нет какой-либо сложности в определении слабых сторон (недостатков) нормативно-правовой базы региона, поскольку в большинстве случаев многие законодательные несовершенства связаны с действующим в РФ федеральным законодательством, в результате чего динамическая корректировка закона – достаточно трудозатратный процесс, и пример Ханты-Мансийского автономного округа – Югры это в целом подтверждает [1]. Однако в случае с Республикой Татарстан ситуация иная, поскольку регион до недавнего времени входил в состав Российской Федерации на «особых» условиях. Под особыми условиями мы понимаем договор «О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти РФ и органами государственной власти Республики Татарстан», первоначально заключенный в начале 1994 г. и действующий до 11 августа 2017 г.

В соответствии с Федеральным законом от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» Договор о разграничении полномочий вступал в силу со дня вступления в силу Федерального закона об утверждении договора о разграничении полномочий.

Настоящий Договор был утвержден Федеральным законом от 24 июля 2007 г. № 199-ФЗ [2]. Органы государственной власти РФ и органы государственной власти РТ, действуя в соответствии с Конституцией РФ и Конституцией РТ, федеральными законами и законами РТ; учитывая опыт применения Договора Российской Федерации и Республики Татарстан «О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан» от 15 февраля 1994 г., заключенного на основе проведенного в РТ 21 марта 1992 г. референдума и в соответствии с Конституцией РФ и Конститу-

цией РТ; исходя из исторических, культурных, экономических, экологических и иных особенностей Республики Татарстан, договорились о «совместном решении вопросов, связанных с экономическими, экологическими (в результате длительного использования нефтяных месторождений с учетом горно-геологических условий добычи углеводородов), культурными и иными особенностями Республики Татарстан» [2]. При этом Государственный Совет РТ имел право вносить соответствующие законопроекты по проблемам использования нефтяных месторождений и добычи углеводородов в Государственную Думу Федерального Собрания РФ.

Республика Татарстан обладала существенно большими пространствами для маневров в части корректировки (актуализации) нормативно-правовой базы. Это прослеживается в части общего описания закона (преамбуле). Так, в ХМАО-Югре: «Настоящий Закон в соответствии с федеральными законами регулирует отношения владения, пользования и распоряжения недрами на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, возникающие в процессе геологического изучения, использования (в том числе для целей поисков, разведки и добычи полезных ископаемых) недр, а также в связи с использованием отходов добычи полезных ископаемых и связанных с ней перерабатывающих производств, охраной недр и в связи с реализацией исполнительными органами государственной власти автономного округа своих полномочий в установленных федеральными законами пределах по управлению государственным фондом недр» [3]. В то же время в РТ: «Настоящий Закон регулирует отношения, возникающие в связи с геологическим изучением, использованием и охраной недр в Республике Татарстан» [4]. При этом особенностью является еще и тот факт, что терминология закона ХМАО-Югры делает отсылки к федеральному закону «О недрах», а закон РТ дает собственные трактовки тем или иным понятиям [1].

Это наглядно демонстрирует ниже приведенный абзац, который содержится в обоих законах, но имеет некоторые региональные отличия: «пользователями недр могут быть субъекты предпринимательской деятельности,

в том числе участники простого товарищества, иностранные граждане, юридические лица, если иное не установлено федеральными законами, не установлены ограничения предоставления права пользования недрами».

В то же время есть содержательные элементы, которые полностью идентичны как в законе ХМАО-Югры, так и в законе РТ:

- «установление порядка и условий использования геологической информации о недрах, обладателем которой является»;

- «представление в федеральный орган управления государственным фондом недр или его территориальные органы предложений о формировании программы лицензирования пользования участками недр»;

- «добыча полезных ископаемых, в том числе использование отходов добычи полезных ископаемых и связанных с ней перерабатывающих производств, а также в случае разведки и добычи углеводородного сырья»;

- «размещение в пластах горных пород попутных вод и вод, использованных пользователями недр для собственных производственных и технологических нужд»;

- «разработка месторождений полезных ископаемых (за исключением добычи подземных вод, которые используются для целей питьевого водоснабжения или технологического обеспечения водой объектов промышленности либо объектов сельскохозяйственного назначения и объем добычи которых составляет не более 100 кубических метров в сутки) осуществляется в соответствии с утвержденными техническими проектами и иной проектной документацией на выполнение работ, связанных с использованием недрами, а также правилами разработки месторождений полезных ископаемых по видам полезных ископаемых, устанавливаемыми федеральным органом управления государственным фондом недр по согласованию с уполномоченными Правительством Российской Федерации федеральными органами исполнительной власти»;

- «использование недрами в целях, не связанных с добычей полезных ископаемых, осуществляется в соответствии с утвержденными техническими проектами и иной проектной документацией на выполнение работ, связанных с использованием недрами» [1].

Стоит сказать, что в некоторых аспектах, например налоговых льготах, законодатель-

ство РТ иногда опережает федеральное законодательство РФ и, как следствие, региональное законодательство ХМАО-Югры.

Основные отличия региональной нормативно-правовой базы, регулирующей отрасль добычи нефти:

1) в Республике Татарстан существует единый закон «О недрах», который регулирует практически весь спектр отношений недропользования, в ХМАО-Югре принято несколько законов, регулирующих отдельные аспекты;

2) в Республике Татарстан в отличие от ХМАО-Югры имеется собственный Земельный кодекс, который частично регулирует вопросы пользования лицензионными участками недр;

3) в Республике Татарстан в отличие от ХМАО-Югры большое внимание уделено:

- поддержке малых нефтяных компаний;
- экологической безопасности процессов добычи нефти;

4) в ХМАО-Югре в отличие от Республики Татарстан большое внимание уделено:

- соглашениям о разделе продукции;
- отношениям между коренными малочисленными народами и недропользователями.

Сравнение организационной структуры отрасли добычи нефти двух регионов выявило коренное отличие: если в ХМАО-Югре нефтяная отрасль представлена несколькими крупными вертикально-интегрированными компаниями (далее – ВИНК), головные офисы которых расположены преимущественно в Москве и Санкт-Петербурге, то в Республике Татарстан действует только одна ВИНК – это «Татнефть», которая обеспечивает больше половины добычи нефти в регионе. Кроме «Татнефти» и «Башнефти», в регионе добывают нефть множество независимых малых нефтяных компаний, эффективность которых зачастую выше, чем у ВИНК. В то же время в структуре нефтяной отрасли Республики Татарстан имеются собственные мощности по переработке нефти и мощный нефтехимический комплекс. В ХМАО-Югре мощности по переработке нефти находятся в зачаточном состоянии и представлены лишь предприятиями по первичной обработке нефти (обезвоживание, обессоливание и т. д.) и по переработке попутного нефтяного газа.

Сравнение учреждений и организаций, обслуживающих отрасль добычи нефти и газа и оказывающих услуги разного рода, показало, что в Республике Татарстан инфраструктура развита на порядок лучше, чем в ХМАО-Югре. В частности, имеются такие отсутствующие в ХМАО-Югре элементы инфраструктуры, как собственное производство оборудования для нефтедобычи, а также организации, обеспечивающие инновационное и технологическое сопровождение предприятий нефтегазового сектора. Что касается других элементов инфраструктуры, то в части финансового сектора, услуг по экспорту нефти, геологоразведке нефтяных месторождений и теплоэлектроэнергетике принципиальных различий не выявлено. То есть эти элементы хоть и представлены различными предприятиями и организациями, но в целом вполне сопоставимы. А вот элементы, связанные с научно-техническими и образовательными услугами, представлены в РТ в значительно большем количестве, чем в ХМАО-Югре.

Исследование, проведенное на основе результатов анкетных опросов, показало, что и в РТ, и в ХМАО-Югре имеют место неформальные институты (правила), регулирующие формирование, распределение и изъятие нефтяной ренты. Общим для обоих регионов является большое количество респондентов, выбравших вариант «спонсорская помощь бюджетным организациям». Специфика ХМАО-Югры состоит в том, что на втором месте стоит вариант «неформальные отчисления», а в Республике Татарстан – «спонсорская помощь нефтяных компаний социально незащищенным слоям населения». В то же время большинство представителей нефтедобывающих компаний ХМАО-Югры уклонились от анкетного опроса, мотивируя это необходимостью согласования с вышестоящими структурами. Еще одним специфичным для ХМАО-Югры фактором является преобладание представителей коренных малочисленных народов Севера среди получателей ренты [1].

Сравнение региональной зависимости от объемов добычи нефти показало, что связь экономики ХМАО-Югры с данной отраслью постепенно уменьшается, это подтверждается следующими выявленными зависимостями:

- уровень безработицы сокращается, несмотря на падение объемов добычи нефти в регионе;

- падение объемов нефтедобычи не повлияло на количество предприятий и организаций округа и среднемесячную номинальную заработную плату, начисленную работникам организаций;

- количество убыточных предприятий уменьшается, так как в сложившихся технологических и институциональных условиях финансово неустойчивые компании не выдерживают конкуренции;

- слабая связь с объемами нефтедобычи наблюдается у стратегически важных для региона показателей (объем инвестиций и валовой региональный продукт). Инвестиции в отрасль привлекаются в меньших масштабах, что, в свою очередь, отражается на износе основных фондов (обратная сильная связь). Пока валовой региональный продукт связан с объемами нефтедобычи ввиду сырьевой специализации округа, однако темпы роста данного показателя ежегодно уменьшаются, как и доля добычи полезных ископаемых в его структуре, что отражается на значительном уменьшении его зависимости от объемов нефтедобычи.

Технологические проблемы нефтяной отрасли отрицательно сказались на среднедушевых доходах населения. Средний темп роста денежных доходов населения на душу населения в период падения нефтедобычи равен 96 % против 111 % в период роста добычи.

Как рост, так и падение объемов нефтедобычи слабо влияют на доходы и расходы бюджета, поскольку налоги на прибыль организаций и добычу полезных ископаемых поступают в Федеральный бюджет, а более 80 % расходов на развитие нефтегазовой отрасли являются собственными средствами предприятий отрасли. Слабая связь наблюдается между объемами нефтедобычи и показателями реальных денежных доходов и заработной платы, так как их динамика напрямую связана с реализацией мероприятий дорожных карт.

Среди наиболее важных факторов, характеризующих положение и роль нефтедобывающей отрасли Республики Татарстан в экономике региона по итогам 2018 г., можно выделить следующие:

- в структуре промышленности РТ на производство нефтепродуктов, химию и нефтехимию приходится 37,5 % [5];

- в товарной структуре экспорта на нефть приходится более 41,5 % от общего объема, на нефтепродукты – 36,4 % [6];

- в Инвестиционный меморандум было включено порядка 200 приоритетных инвестиционных проектов на общую сумму более 1 трлн руб. Данные проекты соответствуют реализации стратегических целей и направлены на технологическое развитие региона, а также на формирование и развитие конкурентоспособных производств, использующих передовые технологии [7];

- предприятия нефтегазохимического комплекса, в том числе предприятия групп компаний «Татнефть» и «ТАИФ», являются локомотивом роста. В планах ПАО «Татнефть» реализация крупномасштабных проектов на общую сумму более 2 трлн руб. На развитие

производств нефтехимии и газохимии планируется направить более 1 трлн руб. [8];

- велика роль нефтедобычи в инновационном развитии региона как динамично развивающегося субъекта Российской Федерации, где внедряются новаторские подходы и современные технологии в области нефтедобычи и нефтепереработки, нефтехимии, ИТ-сфере и др. [9];

- отрасль является емким рынком труда и обеспечивает людей работой с высоким уровнем социальных гарантий. Кроме того, развитие отрасли нефтедобычи и нефтепереработки сопровождается совершенствованием системы подготовки и повышения квалификации кадров в регионе [10].

Согласно официально опубликованным данным 2017 г. [11] отраслевая структура валовой добавленной стоимости субъектов Российской Федерации в 2017 г. представлена следующими данными (таблица).

Таблица

Сравнительный анализ отраслевой структуры валовой добавленной стоимости Ханты-Мансийского автономного округа – Югры и Республики Татарстан в 2017 г. [11]

Отраслевая структура валовой добавленной стоимости (в текущих ценах; в % к итогу)	Российская Федерация	Приволжский федеральный округ	Уральский федеральный округ	Республика Татарстан	ХМАО-Югра
Добыча полезных ископаемых	12,1	13,5	38,2	25,2	67,1
Базовые несырьевые отрасли экономики*	36,2	43,4	30,7	39,1	15,7
Образование	3,0	3,3	2,0	2,7	1,4
Деятельность профессиональная, научная и техническая	4,5	3,4	2,7	2,8	0,8
Иные отрасли	44,2	36,4	26,4	30,2	15,0

Примечание: * – в текущей методологии национального проекта «Производительность труда и поддержка занятости» к несырьевым отраслям экономики относятся обрабатывающее производство, сельское хозяйство, строительство, транспорт.

В контексте исследования составных элементов институциональной среды Ханты-Мансийский автономный округ – Югра с показателем 67,1 % (второе место среди регионов России после Ненецкого автономного округа) демонстрирует высокий уровень «сырьевой зависимости», в то время как в Республике Татарстан доля полезных ископаемых в отраслевой структуре валовой добавленной стоимости существенно ниже (25,2 %). Однако в сравнении со средними значениями как по России в целом (18-е место из 85 субъектов Российской Федерации), так и по Приволжскому федеральному округу (второе место

из 14 субъектов федерального округа) Татарстан также имеет значительную зависимость от объемов добычи нефти [12].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, институциональная среда сравниваемых регионов во многом отличается, что должно определять отличия в развитии отрасли добычи нефти, социально-экономической системе регионов, а также в выборе дальнейшего пути их развития после падения объемов добычи нефти и уменьшения ее влияния на экономику регионов.

ФИНАНСИРОВАНИЕ

Исследование выполнено при финансовой поддержке ФГБУ «Российский фонд фундаментальных исследований» в рамках научного проекта «Прогнозирование эволюции социально-экономической системы регионов

с падающей добычей нефти: проблемы выхода из институциональной ловушки «голландской болезни» (на примере Республики Татарстан и Ханты-Мансийского автономного округа – Югры)» № 19-010-00527\19.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булатова Э. И., Грошева Т. А., Исламутдинов В. Ф., Санников Д. В., Сафиуллин Л. Н., Устюжанцева А. Н. Эволюция российских нефтяных регионов: признаки «голландской болезни» (на примере Республики Татарстан и Ханты-Мансийского автономного округа – Югры). Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2019. 296 с.
2. Об утверждении Договора о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан : федер. закон от 24 июля 2007 г. № 199-ФЗ. URL: <http://base.garant.ru/191570/#ixzz6XLCh9hxe> (дата обращения: 18.09.2019).
3. О недропользовании : закон Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 18.04.1996 № 15-оз (ред. от 17.10.2018). URL: <https://admhmao.ru/dokumenty/pravovye-akty-gubernatora/365676/> (дата обращения: 10.07.2019).
4. О недрах : закон РТ от 25.12.1992 № 1722-XII (ред. от 30.11.2018) (ред. от 01.01.2019). URL: https://eco.tatarstan.ru/rus/file/pub/pub_2288319.pdf (дата обращения: 13.07.2019).
5. Нефтяная зависимость субъектов РФ: Татарстан – в «средней» группе / под. ред. Ш. А. Хайрулова. URL: <http://platformaxxi.org/2018/07/27/oil-gdp/> (дата обращения: 18.07.2019).
6. Стратегия по обеспечению благоприятных условий для развития экспортной деятельности в Республике Татарстан до 2025 года. URL: http://prav.tatarstan.ru/rus/file/pub/pub_1437065_enc_106934.doc (дата обращения: 10.08.2019).
7. Об утверждении Инвестиционного меморандума Республики Татарстан на 2017 год : постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 29.12.2016 № 1048. URL: <http://base.garant.ru/22548705/> (дата обращения: 18.07.2019).
8. Годовой отчет ПАО «Татнефть» за 2017–2018 гг. URL: <https://www.tatneft.ru/aktsioneram-i-investoram/raskritie-informatsii/godovie-otcheti?lang=ru> (дата обращения: 28.08.2019).
9. Основные показатели социально-экономического развития Республики Татарстан в 2018 году. URL: http://mert.tatarstan.ru/rus/file/pub/pub_1766102.pdf (дата обращения: 18.07.2019).
10. Социальная политика ПАО «Татнефть». URL: <https://www.tatneft.ru/sotsialnaya-politika/?lang=ru> (дата обращения: 28.08.2019).
11. Россия в цифрах. 2017 : краткий статистический сб. / Росстат. М., 2017. 511 с. URL: <https://rosstat.gov.ru/>

REFERENCES

1. Bulatova E. I., Grosheva T. A., Islamutdinov V. F., Sannikov D. V., Safiullin L. N., Ustyuzhantseva A. N. Evolution of Russian oil regions: signs of the “Dutch disease” (on example of the Republic of Tatarstan and the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Ugra). Kazan: Kazan Publishing House. University, 2019. 296 p. (In Russian).
2. On approval of the Agreement on the delimitation of jurisdictions and powers between the state authorities of the Russian Federation and the state authorities of the Republic of Tatarstan: Federal Law of July 24, 2007, No. 199-FZ. URL: <http://base.garant.ru/191570/#ixzz6XLCh9hxe> (accessed: 18.09.2019). (In Russian).
3. On subsoil use: the law of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Ugra dated 04/18/1996 No. 15-oz (as amended on 17.10.2018). URL: <https://admhmao.ru/dokumenty/pravovye-akty-gubernatora/365676/> (accessed: 10.07.2019). (In Russian).
4. On subsoil: Law of the Republic of Tatarstan dated December 25, 1992, No. 1722-XII (as amended on November 30, 2018) (as amended on January 1, 2019). URL: https://eco.tatarstan.ru/rus/file/pub/pub_2288319.pdf (accessed: 13.07.2019). (In Russian).
5. Oil dependence of the subjects of the Russian Federation: Tatarstan – in the “middle” group / Ed. Sh. A. Khairulova. URL: <http://platformaxxi.org/2018/07/27/oil-gdp/> (accessed: 18.07.2019). (In Russian).
6. Strategy to ensure favorable conditions for the development of export activities in the Republic of Tatarstan until 2025. URL: http://prav.tatarstan.ru/rus/file/pub/pub_1437065_enc_106934.doc (accessed: 10.08.2019). (In Russian).
7. On approval of the Investment Memorandum of the Republic of Tatarstan for 2017: Resolution of the Cabinet of Ministers of the Republic of Tatarstan No. 1048 dated December 29, 2016. URL: <http://base.garant.ru/22548705/> (accessed: 18.07.2019). (In Russian).
8. Annual report of PJSC TATNEFT for 2017–2018. URL: <https://www.tatneft.ru/aktsioneram-i-investoram/raskritie-informatsii/godovie-otcheti?lang=ru> (accessed: 28.08.2019). (In Russian).
9. Main indicators of socio-economic development of the Republic of Tatarstan in 2018. URL: http://mert.tatarstan.ru/rus/file/pub/pub_1766102.pdf (accessed: 18.07.2019). (In Russian).
10. Social policy / PJSC TATNEFT URL: <https://www.tatneft.ru/sotsialnaya-politika/?lang=ru> (accessed: 28.08.2019). (In Russian).

- free_doc/doc_2017/rusfig/rus17.pdf (дата обращения: 21.08.2019).
12. Рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ. Итоги 2018 года. М., 2019. URL: http://vid1.rian.ru/ig/ratings/rating_regions_2019.pdf (дата обращения: 16.08.2019).
11. Russia in numbers. 2017: short statistical collection / Rosstat. M., 2017. 511 p. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/doc_2017/rusfig/rus17.pdf (accessed: 21.08.2019). (In Russian).
12. Rating of the socio-economic situation of the subjects of the Russian Federation. Results of 2018. M., 2019. URL: http://vid1.rian.ru/ig/ratings/rating_regions_2019.pdf (accessed: 16.08.2019). (In Russian).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Исламутдинов Вадим Фаруарович – доктор экономических наук, профессор, проректор по научной работе, Югорский государственный университет, Ханты-Мансийск, Россия.

E-mail: v_islamutdinov@ugrasu.ru

Куриков Владимир Михайлович – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики, Институт цифровой экономики, Югорский государственный университет, Ханты-Мансийск, Россия.

E-mail: vmkurikov56@mail.ru

Санников Дмитрий Васильевич – аспирант, Югорский государственный университет, Ханты-Мансийск, Россия.

E-mail: dvsannikov@yandex.ru

Сафиуллин Булат Ленарович – студент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия.

E-mail: safbulen@gmail.com

ABOUT THE AUTHORS

Vadim F. Islamutdinov – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Vice-Rector for Academic Affairs, Yugra State University, Khanty-Mansiysk, Russia.

E-mail: v_islamutdinov@ugrasu.ru

Vladimir M. Kurikov – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Professor of the Economics Department, Institute of Digital Economy, Yugra State University, Khanty-Mansiysk, Russia.

E-mail: vmkurikov56@mail.ru

Dmitry V. Sannikov – Postgraduate, Yugra State University, Khanty-Mansiysk, Russia.

E-mail: dvsannikov@yandex.ru

Bulat L. Safiullin – Student, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia.

E-mail: safbulen@gmail.com